

* * *

Когда рождается поэма — в жаре, в пыли,
несвоевременно, не в тему — в подол Земли,
ненужная, бледнее тени — ты знаешь все,
но легкий ветер вдохновенья тебя несет.
И лязг, и хмурые водилы, и CO₂,
и полстраны уже забыло, что есть слова,
связующие стылый космос и глаз лучи —
ты говоришь, темно и косо — но не молчишь.

Кого здесь тронут ямбы, тропы, твой легкий стих —
в местах, где есть еще дороги — но нет пути,
где выпускают из подкорки и боль, и страх,
где соль земли несется с горки в семи ручьях,
подалее от скульптурной группы там, наверху,
от их спектаклей, сбитых грубо? Поверь стиху,
не бойся, говори — умеешь, не прячь глаза,
ты знал всегда немного меньше, чем мог сказать.

Пусть проза пишется неспешно, к мазку мазок —
а стих летит во тьме кромешной без тормозов,
водораздел строки, вершина, словораздел —
и вниз ликующей стремниной, ты сам хотел.
И бабочкой порхает серфинг по злой волне,
и строки хрупкие не стерты, слышны вполне,
когда отпустит — в небе звездном споеет гобой —
она возьмет тебя в свой космос, так будь собой.

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

С этой красной пожароопасной планетой
постепенно от нас отдалается лето.
Кстати, кто-нибудь знает, а сколько парсеков
от меня до глядящего вдаль человека?

Ольга Андреева — поэт. Родилась в 1963 году в г. Николаеве. Член Союза российских писателей, Южнорусского Союза писателей и Союза писателей XXI века. Автор восьми поэтических сборников. Публиковалась в альманахах «Соты», «Вещество», «ПаровозЪ», «Белый Ворон», в журналах «Нева», «Новая Юность», «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Аргмак», «Зарубежные Задворки», «Южное сияние» (Одесса), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск) и др. Лауреат конкурса «45 калибр» (2013, 2015). Дипломант Тютчевского конкурса (2013). Финалист Прокошинской премии (2014). Член жюри конкурсов «Провинция у моря» (2016) и «45 калибр» (2017 и 2018). Живет и работает в Ростове-на-Дону.

Красноватой звездой заболели закаты.
У луны свет янтарный, слегка бесноватый.
Так близки — но сближенье коварнее дали,
потому что похожее не совпадает,
потому что последняя капля терпенья
излилась в красноватое излученье.
То ли что-то из воздуха просится в душу,
то ли что-то в душе, задыхаясь, — наружу.
Пять столетий подряд в нас бродил этот вирус —
жаль, мы жить не умели и словом давились.
Даже если решимся, споем в стиле ретро —
мы — побочный продукт эволюции ветра...
Что в нас вечного? Разве что эта тревога,
что мешает уснуть нам, не верящим в Бога...
Но под каждым течением — антитечение,
и за каждым решением — муки сомнения.
Я привыкну к себе. Это трудности роста.
Обрывать пуповину — кому это просто?
Бог войны заскучал в марсианской пустыне,
по земным плоскогорьям скитается ныне.
Оттого-то жара насаждает седея —
видно, и у него что-то не совпадает.
Громычала гроза, ливень как ни старался —
не сумел погасить полыханье на Марсе.
Красно-желтые лилии¹ стали кострами,
на восток семена уносили мистральи...

ПЛОЩАДЬ 2-Й ПЯТИЛЕТКИ

В чудесном месте — и в такое время!
Последней лаской бередит октябрь,
плывет покой над хосписом. Смиренье
и взвешенность в струящихся сетях.

Как трудно удержаться от иллюзий.
Глазам не верю — верю своему
слепому чувству. Кто-то тянет узел
и плавно погружает мир во тьму.

Рыбак свою последнюю рыбалку
налаживает в мятом камыше,
шар золотой падет, как в лузу, в балку,
за Темерник, и с милым в шалаше

нам будет рай. Но где шалаш, мой милый,
и где ты сам? Как хорошо одной.
За этот день октябрьский унылый
прощу июльский первобытный зной.

¹ Бог Марс родился из красно-желтой лилии.

Стрекозы, да вороны, да листва,
я, бабочки — совсем немногочленно.
До доньшка испить, до естества
прозрачный тонкий мир уже нетрудно.

Я наконец-то становлюсь спокойной,
когда уже побиты все горшки,
горят мосты, проиграны все войны
и даже стихли за спиной смешки.

В нирване пробок, в декабре, с утра,
в родимых неприветливых широтах
припомню, как скользит твоя кора,
а я не знаю, вяз ты или граб,
по времени скользя, не знаю, кто ты.

* * *

Затеряться озером в горах,
отражая истово и честно
боль восходов и закатов крах,
иглы сосен,
дробную челюсть
яркой птицы,
весь ультрамарин
до бездонной безнадежной жути,
покоряясь вечности в минуте,
избавляясь от слепых руин
прошлого,
грядущего не чая,
жемчуга в глубинах не храня,
в недрах — золото;
и на исходе дня
умирать светло и непечально.

* * *

Воды — не твердь, не голь,
не рябь, не топь, не выть —
скольжение глаза вдоль,
спасенье от травы,
лекарство синевы,
летальный сон глубин,
и колыбель плотвы,
и кладбище лавин,
забытый код судьбы,
среда метаморфоз
от хордовых рыбин
до радужных стрекоз.

Разуйся — и иди,
покорный лишь тому,
кто в зеркало глядит,
сплетая свет и тьму.
Кто в зеркало глядит?
И видит ли насквозь
и зазеркалье рыб,
и заресничье звезд?
Несет свое тепло
сквозь вечный холод лет
и поглощает плоть,
но отражает свет,
на равные углы
деля прозрачный шар.
В тени угрюмых глыб
не медля, не спеша
тот лодочник плывет,
бесстрастный, как диод,
сквозь абсолютный лед
по вечной жизни вод.

* * *

Чай — не водка. Много — вредно.
Думать надо. Чай, не мальчик,
девочка. И с ликом бледным
(но прекрасным) скажешь — мало,
чай, не выспалась, не знала,
не сумела, не успела...
Не простят. Что им за дело? —
не доходишь до финала,
выбываешь из обоймы,
не умеешь по Карнеги —
строго, вежливо, корректно...
Чай — не водка. Много — вредно.